

ПУТЬ В РОССИЮ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОЙ МИГРАЦИИ В СССР В 1939—1940 гг.

К. В. Дружинин,

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье на материалах Челябинской области на основе преимущественно следственных дел и воспоминаний анализируются факторы добровольной миграции бывших польских граждан вглубь Советского Союза для работы на различных предприятиях в 1939—1940 гг. Установлена связь между проблемой беженцев в западных областях Украины и Белоруссии и организованным набором рабочей силы на предприятия Советского Союза. Выделенные причины переезда соотнесены с социальным, этническим и географическим происхождением мигрантов. Кроме того рассмотрен порядок вербовки рабочих и условия их перевозки к месту работы. Сделан вывод о том, что для бывших польских граждан миграция часто виделась шансом изменить свою жизнь к лучшему, что было особенно актуально для беженцев из германской зоны оккупации Польши. Для отдельных категорий завербованных выявлены также другие причины, такие как опасения военных действий или репрессий.

Ключевые слова: Вторая мировая война, бывшие польские граждане в СССР, миграции, беженцы, организованный набор рабочих.

Сегодня, по мнению многих политиков, ученых и деятелей культуры, отношения между Россией и Польшей переживают не самый лучший этап своего развития. В такой ситуации очень важно осторожное, спокойное, научное исследование тех страниц истории взаимоотношений двух стран, которые вызывают особенно болезненную реакцию у представителей политической и интеллектуальной элиты. Одна из таких страниц связана с событиями 1939—1940 гг. Когда говорят о польских гражданах в СССР в годы Второй мировой войны, обычно вспоминают военнопленных, заключенных, депортированных и ссыльных, хотя существовала еще одна довольно многочисленная, хотя и не преобладающая категория бывших польских граждан, добровольно приехавших на работу в различные регионы Советского Союза.

Вербовка бывших польских граждан на различные предприятия Советского Союза в 1939—1940 гг. была связана со множеством различных причин, в первую очередь, с проблемой беженцев из немецкой зоны оккупации Польши. Многие последствия этого процесса не нашли еще должного отражения в исторической литературе, хотя сами беженцы все чаще становятся объектом изучения историков. Так, к проблеме беженцев в Белостокской области обращался Д. Боцьковский [27], польские беженцы в БССР находились в центре внимания Д. М. Толочко [25], однако оба автора не затрагивали их вербовку на предприятия в других частях Советского Союза.

В отечественной литературе проблема польских беженцев обычно затрагивается только в контексте депортации тех из них, кто подавал прошения о возвращении в немецкую зону оккупации Польши, но не был принят германской стороной. Такой подход характерен, например, для работ М. Б. Рогачева [23], Т. Е. Васильченко [1] и К. Н. Санукова [24]. А. Л. Кузьминых и С. И. Старостин также рассматривали, в основном, феномен репрессированных, но при этом приводили и данные о беженцах, добро-

вольно завербовавшихся в Вологодскую область [2, с. 300—301].

А. В. Чевардин в своем исследовании о польских гражданах в Свердловской области специально останавливался на такой их категории, как завербованные на различные предприятия. Он определил их приезд как «добровольно-принудительный» и старался рассмотреть особенности трудового использования, быта и проблемы адаптации данной категории граждан. К сожалению, автор не до конца разобрался с особенностями трудоустройства завербованных (годовые контракты), а также занизил, как представляется, их численность, предположив, что всего в Свердловской области находилось около одной тысячи завербованных бывших граждан Польши, впрочем, оговорившись, что для оценки численности не хватает источников [26, с. 44—47].

В данной статье на материалах Челябинской области предпринимается попытка рассмотреть те факторы, которые толкали бывших польских граждан добровольно переезжать на работу вглубь Советского Союза. Представляется, что мотивация для такого решения могла быть различной у разных этносов и социальных групп, что требует уделить особое внимание составу завербованных.

Конечно, ответить на многие поставленные вопросы можно только в той мере, в какой это позволяют доступные источники. Они представлены, в основном, следственными делами на репрессированных и впоследствии реабилитированных бывших польских граждан, в отношении которых органами НКВД велось следствие по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР, а также воспоминаниями самих граждан довоенной Польши об их жизни на Урале, зафиксированными в разное время и с разными целями. И тот, и другой тип исторических источников требует осторожного критического подхода, однако нет оснований полагать, что они принципиально уступают по достоверности и познавательной ценности обычной делопроизводственной документации.

В сентябре 1939 года, заняв Западную Украину и Западную Белоруссию, Советский Союз получил кроме всего прочего и проблему беженцев, которые еще в первой половине сентября появились в восточных воеводствах Польской Республики и продолжали прибывать после занятия этих районов частями Красной Армии.

Если вначале у органов власти не было возможности заняться беженцами, почти 90 % которых составляли евреи, то в середине октября ситуация изменилась и началось их перераспределение по территориям УССР и БССР [25, с. 146—147; 28, с. 54]. Например, Йосефа Петрушку 20 октября направили из Западной Белоруссии, в которой он оказался, в город Горохов на Западной Украине [17, л. 13]. Берко Познанского после семи дней в Белостоке направили в Брест, где он находился в распоряжении комитета помощи беженцам. По воспоминаниям Познанского, их изредка направляли на общественные работы, например, на железную дорогу или на пилку дров, но по большей части беженцы сидели без работы [18, л. 24—25]. От комитета они получали завтраки, обеды и ужины [14, л. 183].

Для того чтобы справиться с проблемой беженцев согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлению СНК СССР от 4/XII-39 г. № 1990-553сс «Об использовании в качестве рабочей силы беженцев» народные комиссариаты Советского Союза получили разнарядки на организованный набор рабочих на территории западных областей Украины и Белоруссии [6, л. 113].

Кроме решения проблемы перенаселения приграничных территорий таким образом органами государственной власти решался еще и вопрос с нехваткой рабочей силы, в первую очередь, на строительстве крупных промышленных объектов (трест «Магнитострой» [5, л. 56, 76 об.; 19, л. 8], тресты № 8 [21, л. 41] и № 22 [20, л. 21—22]). При этом незначительная часть беженцев направлялась на небольшие предприятия, например, на спиртовые заводы [7, л. 34]. Сложно предполагать, что несколько семей, направленных на такой завод, могли существенным образом повлиять на обеспеченность рабочей силой, следовательно, на наш взгляд, в этих случаях на первый план выходили соображения гуманитарного характера.

Вербовка началась в декабре 1939 г. и продолжалась, по меньшей мере, в первой половине 1940 года. Например, Народный комиссариат угольной промышленности СССР производил набор рабочей силы в Белостоке, Гродно, Бельске и Волковыске, обещая бесплатный проезд, 6 рублей суточных и 50 рублей аванса по приезду [22].

В Народном комиссариате черной металлургии завербованным на время пути полагались суточные в размере 6 рублей на главу и 3 рублей на каждого члена семьи, а также аванс в размере 100 рублей на главу и 50 рублей на каждого члена семьи. Половина его должна была выдаваться сразу, а вторая — по приезду, затем эта сумма удерживалась из зарплаты на протяжении трех месяцев. На предприятия возлагалась ответственность за размещение по жилищам, организацию питания и бытовое обслуживание беженцев, на счет пред-

приятий также относились все расходы, связанные с переездом [6, л. 117—119].

Типовые договоры сроком на один год заключали и организации Народного комиссариата по строительству. В них рабочим обещались оплата проезда и провоза 240 кг багажа в обе стороны, «в необходимых случаях» суточные в пути в размере 6 рублей; жилье, койка и постельные принадлежности за квартплату; питание в платной столовой; клубы, красные уголки, больницы, амбулатории, детские сады и ясли; инструктаж по технике безопасности, курсы повышения квалификации, инструмент и спецодежду; зарплату, отпуск или его компенсацию. Рабочим также могли выплачивать аванс и единовременное пособие [15, л. 48; 3].

Народный комиссариат электростанций и электропромышленности при заключении договора выдавал аванс 20 рублей и еще 80 рублей частями выплачивал, по-видимому, в дороге [12, л. 147].

Юзеф Бок в своих мемуарах описывает, как происходила вербовка. На городской площади стоял щит с объявлением о том, что для работы на Урале требуются каменщики, плотники, штукатуры, слесари и рабочие, и был указан адрес конторы. Там, отстояв в очереди, можно было записаться на работу [29, с. 3]. Наплыв желающих был такой, что в очереди приходилось стоять всю ночь. Находившиеся в переполненных городах без работы и жилья беженцы буквально осаждали вербовочные пункты, видя в них надежду на нормальную жизнь, тем более что пропаганда представляла Советский Союз страной «с молочными реками и кисельными берегами» [32, с. 35—36].

В вербовочных объявлениях рабочим обещали полные гражданские права и свободу выбора места жительства по истечении годового контракта [34, р. 51]. Берко Познанскому в Бресте при вербовке говорили, что он будет зарабатывать не менее 500—600 рублей [18, л. 20]. Пинхус Пастернак тоже на своем допросе показывал, что при вербовке рабочим обещали квартиры в Магнитогорске и хорошие заработки [14, л. 111 об.]. Любовь Петраш, приехав в Копейск, рассказывала, что им много обещали и говорили, что в СССР все есть [14, л. 18 об., 45].

Поскольку вербовка проходила в разные организации, расположенные в разных местах СССР, у людей была возможность выбора города [11, л. 31]. Хотя вряд ли новые граждане Советского Союза хорошо представляли различия между ними.

Газета Союза польских патриотов «Свободная Польша» так в 1945 году описывала причины приезда тысяч польских граждан в Магнитогорск: «Белосток в конце 1939 года. Сильное перенаселение города, нехватка жилья, тяжелые материальные условия толкали массы беженцев на добровольный выезд вглубь России в поисках лучшей жизни» [33]. Беженец Перец Фукс потом писал, что у его семьи альтернатив не было [34, р. 51]. Для некоторых евреев Советский Союз был уже не первым убежищем. До этого они, спасаясь от нацистов, приезжали в Польшу из Германии или Чехословакии [8, л. 2—5, 14—14 об.; 10, л. 28, 96, 98, 109, 110; 31].

Однако кроме беженцев на предприятия Советского Союза вербовались и местные жители

Западной Украины и Западной Белоруссии, преимущественно крестьяне, в меньшей степени, по-видимому, горожане, хотя вербовочные пункты располагались именно в городах.

Белорусский крестьянин Георгий Мороз оставил свое небольшое хозяйство с 6 га земли и поехал в город Лиду на заработки. Работы в Лиде он не нашел, зато узнал, что там вербуют рабочих в Магнитогорск и Нижний Тагил, и решил завербоваться в Магнитогорск. На допросе он назвал следующие причины приезда: «Мне нечего было дома делать, и хотел работать на производстве и взять к себе своего сына для обучения» [15, л. 10—11], хотя сыну было всего 12 лет [15, л. 5]. Однако жене и знакомым он говорил, что уехал потому, что боялся ареста из-за довоенных связей с польской полицией [15, л. 26, 29; 15, л. 13].

Другой белорусский крестьянин Александр Бузук, завербовавшийся в Барановичах, назвал социально-одобряемую цель приезда: «Имея желание помочь нашему строительству, а также получить хорошую квалификацию, я и решил выехать в город Магнитогорск» [9, л. 17 об.]. Однако можно предполагать, что на самом деле он выехал в Россию из-за того, что имел конфликт с сельским обществом, которое подозревало его в сотрудничестве с полицией до войны. Некоторые его односельчане прямо считали, что он сбежал, чтобы его не разоблачили как доносчика [9, л. 34—45 об.].

Уголовник Ян Мороз, отбывавший наказание в польских тюрьмах и успевший побывать под арестом при Советской власти, на вопрос о цели приезда в Златоуст заявлял, что приехал работать по вербовке [16, л. 15 об.]. Постоянный житель Августова Эдвард Дычевский писал, что завербовался из опасений ареста за участие в советско-польской войне 1919—1921 годов [30]. Однако местных жителей кроме опасений арестов могли толкать на выезд также и уже упоминавшиеся обещания высоких заработков.

Львовский маляр Владимир Куц перед войной имел собственную малярную мастерскую [13, л. 30 об., 77, 79]. По-видимому, с приходом Советской власти потерял работу и стал заниматься мешочничеством [13, л. 13]. Можно предполагать, что безработица повлияла на его решение завербоваться на строительство, хотя знакомым в Челябинске он говорил, что «просто поехал посмотреть, как живут в Советском Союзе» [13, л. 34 об., 35 об., 45, 66], а для официальной коммуникации у него было другое объяснение: «Из Львова в Челябинск я приехал работать и честно трудиться для Советской власти» [13, л. 25]. Владислав Колодзей в Луцке работал кузнецом, однако тоже завербовался на строительство Челябинской теплоэнергоцентрали, оставив жену с ребенком в Луцке [3, л. 13, 21, 24, 68, 75].

Дорога из Белостока на Урал занимала 3—4 недели или даже больше. Судя по расходам строительного треста № 22, затраты на доставку одного человека составляли примерно 300 рублей [20, л. 22, 38]. Завербованных везли в эшелонах, которые были составлены из товарных вагонов, оборудованных нарами и печами, на станциях кормили и водили в туалет [34, р. 51; 36; 37; 38; 39]. В сформированный

в одном городе эшелон в пути следования могли подсаживать завербованных в других городах [15, л. 34].

По воспоминаниям Переца Фукса, их эшелон состоял примерно из тридцати вагонов. Каждый вагон был разделен на две приблизительно равные части. В каждой из них находилось по двое нар, сколоченных из плохо оструганных досок. В центре находилась большая металлическая печь, которая использовалась для обогрева, сушки белья и пеленок, приготовления гренок и кипятка. Топливо для печей иногда выделялось начальниками станций, через которые проходил эшелон, но этого количества не хватало, поэтому подростки крали топливо по дороге. Эшелоны сопровождалась врачами [34, р. 48—51], хотя их отношение к должностным обязанностям иногда было совершенно халатным [32, с. 36].

Юзеф Бок писал, что за все время пути в баню водили только один раз в Куйбышеве [22, с. 11]. В эшелоне следовал вагон-лавка, где можно было купить продукты. Их можно было покупать также на станциях, а время от времени руководство эшелона заказывало по телефону обеды на вокзалах [29, с. 7].

В Магнитогорске на вокзале эшелоны очень торжественно встречали с транспарантами, а оркестр, даже несмотря на мороз, играл марши и фокстроты. Произносили речи на русском и польском языках, детям раздавали конфеты. Было видно, что приехавших встречают как дорогих гостей, что приятно их удивило [34, р. 53; 37; 38]. Прибывшие в Златоуст о торжественной встрече не вспоминают. Их сначала отводили в баню и в вошебойку, кормили, затем отвозили к месту жительства [29, с. 11; 35]. И в Магнитогорске после встречи на вокзале также отвозили в баню и вошебойку и стригли. После этого завербованных развозили по баракам или во временное жилье [37; 38].

Условия их труда и быта на Урале не были похожи ни на довоенную жизнь в Польше, ни на обещания вербовщиков и требуют отдельного подробного изучения.

Таким образом, можно выделить несколько возможных причин добровольного приезда бывших польских граждан на Урал:

1. Потребность в работе и стабильном заработке.
2. Потребность в жилье и нормальных условиях жизни.
3. Опасения военных действий.
4. Опасения репрессий со стороны новой Советской власти.
5. Желание заработать и помочь семье.

Могли быть и другие причины переезда, однако их сложнее проследить по доступным для исследования источникам. У разных этнических и социальных групп, как представляется, преобладали разные причины. Для многих беженцев добровольная миграция была самой простой и зачастую единственной возможностью найти жилье и стабильный заработок, евреи, к тому же, могли опасаться новой войны и прихода нацистов, хотя, в основном, недооценивали ее угрозу, в том числе

доверяя советской пропаганде. Местные жители тоже воспринимали переезд как шанс изменить свою жизнь, уехав от проблем на родине или в надежде на улучшение своего материального положения.

Всего из западных областей Украины и Белоруссии на разные предприятия Челябинской области было завербовано по приблизительным подсчетам более 13 тысяч человек, включая членов семей. Прежде всего, это были беженцы, но также местные крестьяне и небольшое количество постоянных жителей городов. Хотя в большинство организаций вербовались еврей-беженцы, на отдельных предприятиях белорусские крестьяне составляли половину или даже большую часть завербованных [4, л. 9—10, 18—18 об.].

Тяжелые жизненные условия и надежды на лучшую жизнь толкали массы бывших польских граждан на добровольный переезд вглубь Советского Союза. Там они попадали в непривычные для себя условия и вынуждены были адаптироваться к новой советской реальности.

Литература и источники

1. Васильченко, Т. Е. Польские граждане на Европейском Севере СССР: от депортации к амнистии и репатриации: 1939—1946 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. Е. Васильченко. — Москва, 2013. — 25 с.
2. Кузьминых, А. Л. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.) / А. Л. Кузьминых, С. И. Старостин. — Вологда: Древности Севера, 2014. — 688 с.
3. Личный архив семьи Левицких. Трудовой договор о работе на строительстве Б. Х. Леви.
4. ОГАЧО. Ф. П-113. Оп. 1. Д. 670.
5. ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 14. Д. 61.
6. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 154.
7. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 497.
8. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 480.
9. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 3969.
10. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 4427.
11. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 5129.
12. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 2033.
13. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 2034.
14. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 2610.

15. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 5951.
16. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 5952.
17. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 8654.
18. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 9035.
19. ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 12. Д. 411.
20. ОГАЧО. Ф. Р-1288. Оп. 1. Д. 8.
21. ОГАЧО. Ф. Р-1620. Оп. 1. Д. 6.
22. Производится набор рабочих // Вольная праца. — 1940. — № 17.
23. Рогачев, М. Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940—1944 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. Б. Рогачев. — Сыктывкар, 2005. — 204 с.
24. Сануков, К. Н. Поляки и польские граждане в Марийской АССР в 1930—1940-х годах / К. Н. Сануков // Запад-Восток. — 2012. — № 4—5. — С. 38—47.
25. Толочко, Д. М. Размещение и трудоустройство беженцев из Польши в БССР (сентябрь 1939—июнь 1941 гг.) / Д. М. Толочко // Проблемы здоровья и экологии. 2005. № 2. С. 145—150.
26. Чевардин, А. В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939—1948 гг. / А. В. Чевардин. — Екатеринбург, 2010. — 224 с.
27. Boćkowski, D. Losy żydowskich uchodźców z centralnej i zachodniej Polski (bieżeńców) przebywających na terenie obwodu Białostockiego w latach 1939—1941 / D. Boćkowski // Studia Podlaskie. T. XVI. — Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. — S. 85—124.
28. Boćkowski, D. Na zawsze razem: Białostoccyzna i Łomżyńskie w polityce radzieckiej w czasie II wojny światowej (IX 1939 — VIII 1944) / D. Boćkowski. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2005. — 334 s.
29. Bok, J. Na Uralu: Pamiętnik robotnika polskiego w ZSRR 1940—1945 / J. Bok. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950. — 136 s.
30. HIA. WAC. Box 49. Folder 2. Doc. 2640.
31. Hoover Institution Archives (HIA). Władysław Anders Collection (WAC). Box 48. Folder 2. Doc. 1668.
32. Moszkowicz, B. Na spotkanie rzeczywistości / B. Moszkowicz. — Stockholm: Polonica, 1996. — 78 s.
33. R. G. Polacy w Magnitogorsku // Wolna Polska. — 1945. — Nr 27—28. — S. 6.
34. Yad Vashem Archives. Record group O.33. File number 1919.
35. Visual History Archive (VHA) of USC Shoah Foundation. Interview Code 29566.
36. VHA. Interview Code 36180.
37. VHA. Interview Code 45861.
38. VHA. Interview Code 46093.

ДРУЖИНИН Константин Владимирович, аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: d.konstantyn@gmail.com

Поступила в редакцию 8 декабря 2020 г.

DOI: 10.14529/ssh210103

PATH TO RUSSIA: SOME FEATURES OF POLISH MIGRATION TO THE USSR IN 1939—1940

K. V. Druzhinin, d.konstantyn@gmail.com,
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Based on the materials of Chelyabinsk Region and considering mainly investigative cases and memoirs, the article analyzes the factors of voluntary migration of former Polish citizens deep into the Soviet Union to work in various enterprises in 1939—1940. A connection between the refugee issue in the western regions of Ukraine and Belarus and the organized recruitment of workforce at the enterprises of the Soviet Union was traced. The identified reasons for relocation were correlated with the social, ethnic and geographical origin of migrants. In addition, the procedure for recruiting workers and the conditions for their transportation to the place of work were considered. It was concluded that

for former Polish citizens, migration was often seen as a chance to change their lives for the better, which was especially important for refugees from the German occupation zone of Poland. For certain categories of recruits, other reasons such as fears of military action or reprisals were also identified.

Keywords: World War II, former Polish citizens in the USSR, migrations, refugees, organized recruitment of workers.

References

1. Vasilchenko T. E. *Poljskiye grazhdane na Evropeyskom Severe SSSR: ot deportatsii k amnistii i repatriatsii: 1939—1946 gg.: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Polish citizens in the European North of the USSR: from deportation to amnesty and repatriation: 1939—1946: thesis abstract. Candidate of History Sciences 07.00.02] Moscow, 2013, 25 p.
2. Kuz'minykh A. L., Starostin S. I. *Polyaki v Vologodskoy oblasti: repressii, plen, spetsposeleniye (1937—1953 gg.)* [Poles in Vologda Region: repressions, captivity, special settlements (1937-1953)] Vologda: Drevnosti Severa, 2014, 688 p.
3. Personal archive of Lewicki family. *Trudovoy dogovor o rabote na stroitelstve B. Kh. Levi* [Labor contract for B. Kh. Lewi's work on construction site].
4. OGACHO. F. P-113. Op. 1. D. 670.
5. OGACHO. F. P-234. Op. 14. D. 61.
6. OGACHO. F. P-288. Op. 3. D. 154.
7. OGACHO. F. P-288. Op. 3. D. 497.
8. OGACHO. F. R-467. Op. 3. D. 480.
9. OGACHO. F. R-467. Op. 3. D. 3969.
10. OGACHO. F. R-467. Op. 3. D. 4427.
11. OGACHO. F. R-467. Op. 3. D. 5129.
12. OGACHO. F. R-467. Op. 4. D. 2033.
13. OGACHO. F. R-467. Op. 4. D. 2034.
14. OGACHO. F. R-467. Op. 4. D. 2610.
15. OGACHO. F. R-467. Op. 4. D. 5951.
16. OGACHO. F. R-467. Op. 4. D. 5952.
17. *Obyedinenny Gosudarstvenny Arkhiv Chelyabinskoy Oblasti (OGACHO)* [The Chelyabinsk Region United State Archives]. F. R-467. Op. 4. D. 8654.
18. OGACHO. F. R-467. Op. 4. D. 9035.
19. OGACHO. F. R-804. Op. 12. D. 411.
20. OGACHO. F. R-1288. Op. 1. D. 8.
21. OGACHO. F. R-1620. Op. 1. D. 6.
22. *Proizvoditsya nabor rabochikh* [Recruiting workers] *Volnaya pratsa*, 1940, № 17, p. 4.
23. Rogachev M. B. *Deportirovannye poljskiye grazhdane v Komi ASSR v 1940—1944 godakh: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Deported Polish citizens in the Komi ASSR in 1940-1944: thesis paper ... Candidate of History Sciences: 07.00.02] Syktyvkar, 2005, 204 p.
24. Sanukov K. N. *Polyaki i poljskiye grazhdane v Mariyskoy ASSR v 1930—1940-kh godakh* [Poles and Polish citizens in the Mari ASSR in the 1930-1940th] *Zapad-Vostok* [West-East] 2012, № 4—5, pp. 38—47.
25. Tolochko D. M. *Razmeshchenie i trudoustroistvo bezhentsev iz Polshi v BSSR (sentiabr' 1939 — iyun' 1941 gg.)* [Arrangement and job placement of refugees from Poland in Belorussian Soviet Socialist Republic (September 1939 to June 1941)] *Problemy zdorov'ia i ekologii* [Health and Ecology Issues] 2005, № 2, pp. 145—150.
26. Chevardin A. V. *Polyaki i poljskiye grazhdane v Sverdlovskoy oblasti v 1939—1948 gg.* [Poles and Polish citizens in Sverdlovsk region in 1939—1948] Ekaterinburg, 2010, 224 p.
27. Bockowski D. *Losy zydowskich uchodzcow z centralnej i zachodniej Polski (biezencow) przebywajacych na terenie obwodu Bialostockiego w latach 1939—1941* [The fate of Jewish refugees (exiles) from central and western Poland residing in the Bialystok Region in 1939—1941] // *Studia Podlaskie* [Podlasie Studies]. T. XVI, Bialystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Bialymstoku, 2006, pp. 85—124.
28. Bockowski D. *Na zawsze razem: Bialostoczczyzna i Lomzynskie w polityce radzieckiej w czasie II wojny swiatowej (IX 1939 — VIII 1944)* [Together Forever: The Bialystok and Lomza regions in Soviet policy during World War II]. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2005, 334 p.
29. Bok J. *Na Uralu: Pamietnik robotnika polskiego w ZSRR 1940—1945* [In the Urals: The diary of a Polish worker in the USSR 1940—1945] Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1950, 136 p.
30. HIA. WAC. Box 49. Folder 2. Doc. 2640.
31. Hoover Institution Archives (HIA). Wladyslaw Anders Collection (WAC). Box 48. Folder 2. Doc. 1668.
32. Moszkowicz B. *Na spotkanie rzeczywistosci* [To meet reality] Stockholm: Polonica, 1996, 78 p.
33. R. G. *Polacy w Magnitogorsku* [Poles in Magnitogorsk] *Wolna Polska*, 1945, Nr 27—28, p. 6.
34. *Yad Vashem Archives*. Record group O.33. File number 1919.
35. *Visual History Archive (VHA)* of USC Shoah Foundation. Interview Code 29566.
36. VHA. Interview Code 36180.
37. VHA. Interview Code 45861.
38. VHA. Interview Code 46093.

Received December 8, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дружинин, К. В. Путь в Россию: некоторые особенности польской миграции в СССР в 1939—1940 гг. / К. В. Дружинин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 22—26. DOI: 10.14529/ssh210103

FOR CITATION

Druzhinin K. V. Path to Russia: some features of Polish migration to the USSR in 1939—1940 *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2021, vol. 21, no. 1, pp. 22—26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210103